

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811

M.A. Барсанова

РАЗЛИЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦАРЕ И ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИМИ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассматриваются проблемы восприятия представителей высшей власти в византийской и русской культурных традициях. Показан специфический аспект, возникший в связи с преломлением византийской культурной традиции на славянской почве. Представленный анализ этимологии слов демонстрирует религиозно-священное и эмпирическое основания высшей власти.

Ключевые слова: василевс; фанакс; царь; король; князь.

Исследовательское внимание к специфике русского отношения к власти вообще и к верховной власти (царской в культурном контексте России всегда являло себя самодержавие) в частности обусловлено не столько историческим интересом, сколько потребностью объяснить действие культурных архетипов в современных властных структурах. Чтобы понять устойчивость своеобразного понимания и отношения к власти в ситуации русского культурного сознания, надо обратиться к его истокам и попытаться там найти те «археи», которые сохранили своё действие до сих пор.

Если действительно углубиться в историческое прошлое, то в первую очередь интерес должен вызвать судьбоносный для России факт принятия Владимиром Красно Солнышко православия, шедшего из Византии. Напрашивается возможный (или очевидный) вывод об отношениях преемственности между русским и византийским пониманием власти, что обеспечивалось прямым заимствованием тогдашней Русью византийского опыта. Нельзя не сказать о том, что в последующей истории России были попытки устраниТЬ заимствованные «археи». Так, впервые Петру I принадлежала идея борьбы с византизацией. В ходе её реализации он старался насытить новую модель власти. Тогда это закончилось расколом и в итоге сохранением православия, к тому времени уже объединившего русских в единое государство и укрепившего национальный дух и культуру. Российская специфика заявила о себе в факте прочного сращивания православия с самодержавием. Несколько позже это позволило сформулировать русскую идею как единство «православия, самодержавия, народности». Русское самодержавие явилось политическим выражением русского православия в его специфически религиозной функции объединения народа. Однако простого факта ссылки на генетическое родство русского и византийского восприятия монарха недостаточно для объяснения ряда культурно-исторических явлений русской истории. Не поддаются, например, такому объяснению явления самозванчества, старообрядческого раскола и восприятия власти старообрядцами. Чтобы понять, в чём именно оказалось российское культурное сознание нетождественным византийскому и как этот момент нетождественности определяет нашу жизнь до настоящего момента, необходимо выявить новый специфический аспект, возникший в результате переноса византийской культурной традиции на славянскую почву.

Отождествление власти с правителем – одна из существенных черт, характеризующих русское восприятие власти. Аргументация такой персонификации власти может быть осуществлена различным способом, в разных культурных традициях. В данной статье предлагается обратиться к анализу этимологии слов, обозначающих высшего правителя и его власть.

Формирование культурно-исторического представления о правителе может иметь не одно, а несколько различных оснований. Это можно подтвердить анализом этимологии слов, обозначающих высшего представителя власти. Первое основание можно найти в восприятии эмпирического процесса формирования власти, связанного с выдвижением наиболее сильных или наиболее удачливых людей, использующих личные качества или социальные связи, чтобы добиться влияния на своих соплеменников. Второе основание носит мифологический или религиозный характер и связано с генетическим родством институтов власти с древними греческими сословиями. Формируемые на этих двух разных основаниях представления могут различным образом переплетаться в разных культурно-исторических ситуациях, образуя многообразие представлений о власти в истории культуры.

Для обоснования восприятия представителя высшей власти, т.е. царя, важно проследить этимологию вербальных обозначений царя у различных народов. В решение этой задачи большой вклад внес Э. Бенвенист, исследуя индоевропейские языки. Э. Бенвенист показал, что раскрытие понятия царя принципиально важно для понимания структуры общества, т.к. в древнем сознании границы общества совпадали с границами царской власти. Он пишет: «Изучая значение понятия “царь” в его лексическом выражении, приходится не без удивления констатировать, что существительное, представленное словом *geh*, появляется лишь на двух противоположных окраинах индоевропейского мира и отсутствует в центре. Мы имеем, с одной стороны, в латинском языке *geh*, в кельтском – *irrl. gī*, гальльском – *pīx*; с другой стороны, в санскрите *rāj-(an)*; и ничего в промежутке – ни в каком-либо другом итальянском языке, ни в германском, ни в балтийском, ни в славянском или греческом, ни даже в хеттском» [1. С. 249]. Распределение этимологически родственных слов, выражающих религиозно-правовые функции высшего правителя, носит неравномерный характер. Данные

слова присутствуют на западе и юго-востоке расселения индоевропейских народов, в индо-иранских и итalo-кельтских языках, в центральной же области индоевропейского ареала не обнаруживается даже следов такого обозначения царя. Э. Бенвенист указывает, что это не может быть случайностью, и данное обстоятельство, считает исследователь, связано с тем, что и индо-иранский, и итalo-кельтский языковые ареалы совпадают с традиционными консервативными обществами, в которых на протяжении долгого времени сохранялись наиболее архаичные слова, которые упразднялись в других языках. Причина этого обстоятельства заключается в том, что индо-иранские и итalo-кельтские общества характеризовались наличием влиятельных жреческих сословий, строго хранивших священные традиции и формы обрядов.

На основании этого Э. Бенвенист делает заключение о специфике восприятия власти у древних индо-иранских и итalo-кельтских народов. Этимологически слово ‘тех’ в индоевропейских языках несет в большей степени религиозный, чем политический смысл. В обязанности высшего правителя входило не столько осуществлять эмпирическую власть, сколько устанавливать правила жизни. В этом смысле правитель больше похож на жреца, чем на самодержца. Данное обстоятельство важно иметь в виду для понимания истоков нашей отечественной культуры. Именно оно было воспроизведено в эпоху языческих римских императоров для называния жреца-правителя. В христианскую эпоху оно сильно трансформировалось, повлияв на представление о правителе в византийской и в русской культурных традициях.

Анализ слов, обозначающих высшего правителя в других языках, указывает на иное основание происхождения этого понятия. Оно лежит уже в эмпирической области. В русском языке есть целая группа слов, обозначающих носителя власти: ‘владыка’, ‘властитель’, ‘повелитель’. Эти слова указывают на определенные функции осуществления власти в эмпирической действительности – владеть и повелевать. Иными словами, правитель у древних славян воспринимался не как священная фигура, а как вполне эмпирический защитник, попечитель и управлениец. Эти же слова в видоизмененной форме, но с тем же значением присутствуют и в других славянских и балтийских языках.

На такое же эмпирическое основание власти указывает и слово ‘князь’, первоначально обозначавшее главу племени военной дружины. Впоследствии в некоторых языках это слово приобретает священный смысл, например в польском языке католический священник стал обозначаться словом ‘ксендз’. Однако здесь речь идет о более поздних культурных наслойениях христианской эпохи, которые не ставят под сомнение первоначального этимологического значения слова ‘князь’. На это указывает и употребление этого слова в германских языках, в частности древнегерманское *kuningaz* означает старейшину рода. Э. Бенвенист усматривает родство древнегерманского ‘*kuningaz*’, английского ‘*king*’, немецкого *Koenig* со словом ‘*gen-*’ рождать. По его мнению, слово ‘*kuningaz*’ указывает на происхождение из существующего рода. Распространение этого слова в германских и славянских языках Л.П. Дронова

связывает с особой ролью правителя-военачальника в эпоху переселения народов: «главными участниками Большого переселения народов в Европе (IV–VII вв. н.э.), ближайшим представителем народа-завоевателя был военачальник ‘конунг’, и защита завоеванной области требовала усиления его власти» [2. С. 174]. Это указывает на вполне эмпирическое основание представления о власти у германцев и славян. У римлян мы находим обратное положение дел: даже в том случае, когда возникает понятие императора, первоначально имеющее вполне эмпирическое, военное происхождение, оно как только отождествляется с понятием представителя высшей власти, то приобретает новый для себя священный характер.

На эмпирическое основание указывает и слово ‘господин’ (‘господарь, государь’). Это слово двусоставное, и первая его часть родственна слову ‘гость’. Иначе говоря, слово ‘господин’ в первоначальном смысле обозначало хозяина, оказывающего гостеприимство. В более поздний период, когда происходит сакрализация царской власти в России, для обозначения высшего правителя используется заимствованное слово ‘царь’. Это неслучайно, поскольку представление о власти в России формировалось в результате наслойения на славянскую почву иного культурного представления, что во многом обусловило противоречия в восприятии образа царя.

Специфика обозначения высшего правителя в древней Греции состоит в том, что для этого появляются совершенно новые слова с неясной этимологией, в частности слова ‘vasilevs’ и ‘фанакс’ (от микенского ‘ванакт’). Титул ‘фанакс’ сопутствует либо таким божествам, как Посейдон и Диоскуры, либо людям, обладающим верховной властью. Э. Бенвенист отслеживает различие между этими словами в контексте микенского словаупотребления. У микенцев басилей обозначал местного начальника, но не царя. Басилей не обладал реальной политической властью. Ванакт же обладал царским достоинством, и, как предполагает Э. Бенвенист, этот титул мог прилагаться к божествам и жрецам [1. С. 259]. Такое же отношение между басилем и ванактом сохраняется и в гомеровскую эпоху. Ванактом может называться и Аполлон, и Зевс.

На основе анализа этимологии слов, обозначающих правителя в древней Греции можно видеть, что там соприсутствуют религиозно-священное и эмпирическое основания власти. В связи с культурно-историческим развитием Греции, эти два понимания совместились в одном понятии василеса. Связано это с тем, что эпоха древних царей сменилась установлением демократий в греческих городах, которые впоследствии попали под власть римских императоров. В период независимых греческих городов-полисов расцвела философия, которая формировала картину мира, где человек был включен в единое мироздание. Человек не противопоставлял себя ни родному городу-полису, ни космосу в целом, находя везде гармоничный порядок, подчиненный законам разума. Благодаря такому пониманию эмпирический правитель василес оказался элементом общей гармонии мира, в высшем пределе которой находилось идеальное бытие: благо, мир эйдосов, логос. Поэтому и обожествление римских императоров греки воспринимали иначе, нежели римляне. Для них римский император должен

был занимать определенное место в миропорядке, подобно тому, как свое место занимает каждый человек. Священность имперской власти обеспечивается не каким-то исключительным положением императора, а общим законом миропорядка.

В связи с принятием христианства такое понимание трансформировалось в представление о царской власти как символе небесной иерархии. Сама по себе власть не имеет никакой священной силы, но будучи включенной в единую иерархию мира, соединенную с божественной иерархией, выполняет важное символическое значение, связывая воедино различные уровни реальности. Такое понимание было подготовлено тысячелетней греческой философией, и вполне естественно, что когда оно было пересажено в восточнославянское культурное сознание, где отсутствовала и сакрализация высшей власти, и философская традиция, которая могла бы обосновать возможность такой сакрализации, то оно не могло не видоизмениться, что, порой, выражалось в негативных и даже разрушительных формах.

В византийском восприятии монарх включен в стройную систему мироздания, объединяющую в единую иерархию и земной мир, и мир духовный. Такое восприятие возникает неслучайно, оно базируется на тысячелетней античной философской и культурной традиции, а также на основе тысячелетней святоотеческой восточно-православной традиции. В византийской традиции существовал целостный образ Бога и императора, монарх именовался василевсом и являлся законным преемником римских императоров. Василевс воплощал в себе символ идеального, божественного и являлся земным представителем Бога. Византийский василевс – законный преемник римских императоров, которые обожествлялись в языческом сознании. Первые христиане находились в религиозном конфликте с язычниками, отказываясь проявить лояльность власти в форме религиозного поклонения, за что и подвергались жестоким гонениям. Принятие христианства императором Константином могло быть воспринято как подчинение Христу того, кто оправданно или не оправданно, но имел ранее претензии на собственную божественность. В результате этого подчинения небесная иерархия соединяется с земной, а языческий смысл императора заменяется христианским. Такое понимание было характерно для христиан всей римской империи, однако греческая традиция, ставшая основой для формирования византийской культуры, позволила переосмыслить параллелизм Бога и императора в соответствии с уже сложившимися философскими представлениями об иерархии эйдосов, отражением которых являлась иерархия космоса. Иначе говоря, василевс в византийском восприятии – это воплощение идеального бытия в эмпирическом мире.

Русское национально-культурное сознание принимает из византийской традиции претензию на то, что царь также должен представлять высшее, божественное в земном, эмпирическом. Однако в контексте русского мировосприятия это воплощение в эмпирическом мире всегда воспринимается как незавершенное. Царь оказывается за пределами нашей земной жизни, где-то далеко и ничего не подозревает о плохих боярах, которые руководят земными делами. Если византийское

сознание предполагает, что эмпирическое способно полноценно воплощать в себе духовное, то русское, напротив, всегда предполагает в качестве негласной установки некий разрыв между духовным и эмпирическим. В России с началом царствования Петра I царь принимает на себя функции главы церкви. Титул царя, которым обладает великий русский князь в результате перенесения на него функций Византийского Василевса, в России имеет религиозные коннотации, т.к. для культурного сознания оно ассоциируется с Христом.

Сакрализация монарха в России вступает в борьбу с религиозным сознанием народа, что было неизбежно из-за того факта, что сакрализация монарха входила в механизм государственного устройства.

Иначе говоря, в российской культурной традиции произошёл разрыв между идеально-духовной и материальной сферами. Монарх существовал где-то высоко, над народом, был идеализирован, к нему нельзя было обращаться со своими мирскими проблемами. Люди чтили монарха, а свои проблемы решали в институтах власти, которые принадлежали эмпирическому миру. Суeta земной жизни и все повседневные проблемы должны были решаться на уровне определенных институтов власти, которые с этимправлялись, как правило, очень плохо. Однако все это не должно было пятнать чистоту идеальной сферы, к которой принадлежит монарх. Для преодоления разрыва между идеальным и эмпирическим в русской культуре существовали разного рода обряды. Эти обряды помогали найти связь между идеально духовным и образом царя и его отдельными материальными воплощениями.

Данный разрыв во многом обусловлен историей России. 29 мая 1453 г. с карты Европы исчезла Византия. В 1480 г. в России было свергнуто монголо-татарское иго. После падения Константинополя Россия была единственным православным государством, а великий русский князь – монархом. На территории бывшей Византии преобладал ислам, а не христианство, в России же, наоборот, православие берёт верх над исламом. Следовательно, Россия становится, по этой новой концепции, Византией, а великий русский князь – подобием их василевса. В этой новой роли российский монарх воспринимается по-новому.

В Византии произошло слияние духовной и светской власти, они были объединены в лице императора. Став преемником василевса, русский монарх был главой последнего православного государства, где он считался мессией. Иван Грозный, первый русский царь, венчался на царствование в 1574 г. Его поступки никем не могли контролироваться, как и поступки Бога, он требовал от всех повиновения, таким образом, происходит его превращение из справедливого монарха в жестокого царя. Начинается сакрализация монарха в рамках концепции «Москва – третий Рим». Пётр I относился отрицательно к византизации русской культуры. И предполагалось, что она может исчезнуть в петровскую эпоху. Но на самом деле этого не происходит, византийская и европейская культуры переплетаются в русской традиции ещё в допетровской эпохе, и данное состояние с определенными модификациями продолжает существовать до настоящего времени.

Это связано с особыми проблемами русской ментальности, обладающей спецификой двойственного

восприятия реальности. Первый план восприятия составляют духовные цели и стремления, которые объективируются в виде представлений о добром царе, святой Руси, особой миссии, Москве как третьем Риме и т.д., второй план восприятия связан с повседневной действительностью, с ее суетой, заботами и противоречиями. Эти два плана восприятия существуют автономно друг от друга, и поэтому духовные претензии в идеальном плане мировосприятия могут совершенно не подтверждаться реалиями жизни эмпирического плана мировосприятия. Этой независимостью друг от друга двух планов мировосприятия и было вызвано противопоставление доброго царя и злых бояр.

Данный разрыв можно проследить в самых разных сторонах жизни, например претензия на особую духовную исключительность сочетается с признанием элементарной нечестности в повседневных делах и рассматривается как естественное состояние. Речь идет не только о явных грехах, таких как воровство и ложь, что само по себе тоже имеет место, но и ставшем привычным и потому социально приемлемым невыполнении обязательств, таких как, например, приходить вовремя, без опоздания, держать слово и т.д. Осознание этого

противоречия иногда приводит к сознательному выбору негативного стиля поведения в силу невозможности подстроить эмпирическую жизнь под духовные претензии.

Выявленное противоречие связано с тем, что на исконное славянское представление о власти, имеющее вполне эмпирические основания, наложилось представление о высшем правителе как носителе священной силы. Это подтверждает и тот факт, что в русском языке слово ‘князь’ выходит из употребления, его заменяет слово ‘царь’, этимологически восходящее к имени первого римского императора. Слово ‘царь’ в Древней Руси являлось сакральным. Оно вошло в употребление либо через готское ‘Kaisar’ от латинского ‘caesar’, позднее с ‘ц’ в произношении. В древнерусском это звучало как цесарь < цъсарь. Это слово входит и в богослужебные тексты в словосочетаниях ‘Небесный Царь’ (о Боге). Представление о царе стало связываться с высшим священным уровнем бытия, который непонятно как соотносился с эмпирической жизнью, что и создало разрыв между этими двумя уровнями бытия, породивший многочисленные противоречия в русском культурном самосознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских культурных терминов: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
2. Дронова Л.П. Языковые контакты и проблема реконструкции концептов // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 287. С. 174.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 23 марта 2009 г.